

В.А.Смирнов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Рассматривается проблематика «мягкой силы», являющейся инструментом властвования по достижению определенных стратегических целей в политике без обращения к внешнему материализованной политике, как известно, представляет собой арену конкурирующих между собой символических дискурсов, стремящихся навязать различным аудиториям собственные знаковые «фильтры» через использования не прямых, «мягких» технологий. Есть весомые аргументы предполагать, что ключевым показателем эффективности применения стратегии «мягкой силы» является популярность языка страны, использующей инструменты такого влияния, во «внешних пространствах», то есть, за рубежом. Тот факт, что влияние русского языка в мире неуклонно снижается, и что к 2030 году он может вообще «выпасть» из первой десятки мировых языков, свидетельствует об утрате влияния России в мире, а, значит, и о снижении потенциала её «мягкой силы».

Ключевые слова: мягкая сила, культурная политика, языковая политика, идеологические практики, влияние России в мире

В современной политической философии при анализе типов власти больше распространение получил дуальный концепт «жесткой» и «мягкой» силы, обозначаемый в англоязычной литературе понятиями *hardpower* и *softpower*. Понятие «мягкой силы» было впервые введено в научный оборот профессором Гарвардского Университета Дж.Наем. По его мнению, сила государства зависит не только от использования военной или экономической мощи для достижения стратегических целей в политике, но и от способности опираться на более «мягкие» инструменты на пути к желаемым результатам, таким как духовная культура, идеологическая привлекательность и качественная внешняя политика [1, с. 57]. В смысловом аспекте термину *softpower* придаются такие коннотационные свойства, как гибкость, пластичность, ненавязчивость и мягкость. Понятие жесткой власти (*hardpower*) выступает неким терминологическим антиподом *softpower*, и раскрывается в таких интерпретациях, как твердость, устойчивость, непреклонность. В кратологических исследованиях под «жесткой» властью обычно понимаются методы военного, экономического, административного и иного принуждения, реализуемые субъектом власти как навязывание своей воли через диктат и давление, которым объекты вынуждены подчиняться в силу превосходства субъектов, генерирующих такого рода отношения. [2, с. 173]. «Мягкая сила», напротив, функционирует таким образом, что объект власти подчиняется ей добровольно, воспринимая властное воздействие с её стороны не как результат давления, но как следствие «собственного» выбора. Как отмечает О.Ф.Русакова, «субъективно власть, обозначаемая термином *hardpower*, воспринимается как давление и диктат внешних сил, которым субъекты вынуждены уступать и подчиняться в силу материального и социально-статусного превосходства источников *hardpower*. Сила «мягкой» власти (*softpower*), напротив, действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат своего самостоятельного выбора. «Мягкая» властная сила достигает своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию. Ее инструментами влияния выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы» [2, с. 173].

«Мягкая сила» реализует свои цели, не задействуя насилие, она опирается исключительно на знаково-символические конструкты. «Она активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления». [2, с. 174]. По мнению А.А.Вилкова, несмотря на то, что концепт «мягкой силы» начал осмысляться только в самом конце двадцатого века, сама эта технология уходит своими корнями в глубокую историю. Многие правители минувших эпох помимо традиционного «кнута» часто опирались и на использование «пряника». Причем под «пряником» традиционно понимаются не экономические ресурсы (что, исходя из вышеизложенного определения, будет отнесено к «жестким инструментам»), а, скорее, убеждение на основе согласия подчиненных. Само собой, что наиболее масштабно «мягкие рычаги» властвования стали использоваться во время антагонистической борьбы двух мегапроектов — социализма и капитализма, когда соперничество происходило не только на военном или экономическом уровне, но и на уровне идеологического противоборства. «В это время тактика *softpower* фактически была одним из главных средств идеологического противоборства США и их союзников и возглавляемого СССР социалистического лагеря» [3, с. 67].

Еще во время противоборства по линии «Запад-Советский проект» появилась так называемая концепция деидеологизации, которая в определенной степени ставила под сомнение эффективность идеологического воздействия на противника и на собственные массы в современных условиях. Один из основоположников данной теории С.М.Липсет, считал, что все фундаментальные проблемы индустриальной революции были разрешены: рабочие получили политическое гражданство, консерваторы приняли «государство всеобщего благоденствия», а демократические левые согласились с тем, что чрезмерное вмешательство государства в жизнь страны несет больше опасностей для свободы, нежели экономических выгод. Это триумф

демократической социальной революции на Западе положил конец политическим и идеологическим разногласиям внутри этих стран [4, с. 407]. В традиционных (отсталых) обществах идеология играет важную роль: выражая чаяния и устремления социальных сил, она способна мобилизовать, ориентировать и целенаправленно вести их к действиям с социальной эффективностью. В условиях соперничества социальных групп за политическую власть, идеология является источником антагонизмов, непримиримости и конфликтов, тормозящих развитие общества. В индустриальном же обществе на первый план выходят технико-рациональные аспекты функционирования социальной жизни, основанные на приоритете науки и культуры. Это позволяет обществу освободиться от влияния идеологии.

Однако соглашаясь с Липсетом в том, что идеология как инструмент классовой борьбы постепенно утрачивает свою роль, нет оснований думать, что идеологическое соперничество между разными странами в будущем будет затухать. Напротив, конкуренция стран, использующих инструменты «мягкой силы», выйдет в плоскость расширения арсенала задействования разных средств «мягкого» влияния — от фильмов, образа жизни, моды и метафор до классических идеологических доктрин. Как справедливо замечает уже упоминавшийся ранее А.А.Вилков, «устранение без применения силы с мировой арены своего основного политического, экономического, военного и идеологического конкурента заставило американцев поверить в исключительную эффективность *softpower* в достижении своих внешнеполитических целей. Поэтому, несмотря на наличие мощных вооруженных сил, на первый план американской внешней политика вышла стратегия «мягкой силы» как экономически и идеологически более выгодная» [3, с. 68].

«Мягкая сила» как средство влияния одних государств на другие существовала практически всегда. Но ее значение существенно выросло именно в XX веке, отмеченном беспрецедентно высокой идеологизацией международных отношений. Мы можем сколько угодно спорить о правильности или неправильности тех или иных идеологий, но отрицать тот факт, что СССР имел союзников не только по принуждению, но и по убеждению, нельзя. Ключевое в «мягкой силе» — это имидж государства [5, с. 7].

Как отмечает П.Б.Паршин, сторонники существования «мягкой силы» как реального инструмента современной политики тяготеют к одной из возможных её категоризаций: она трактуется либо как некая технология, представляющая собой совокупность инструментов и сформировавшихся практик; либо как определенный идеологический ресурс [6, с. 37]. И.В.Лазутина, В.А.Нагорнов, М.Р.Рахмангулов, А.Г.Сахаров, А.В.Шелепов выделяют такие технологии использования «мягкой силы» как деятельность культурных или языковых центров, присутствие на рынке популярной культуры страны-субъекта, развитие научного и делового партнерства, использование общественной дипломатии [7, с. 230-239].

В феврале 2019 года в «Независимой газете» вышла большая статья В.Суркова под названием «Долгое государство Путина». Цель данной работы не предполагает полный анализ всех изложенных автором тезисов. Возьмем только одно предложение из этой статьи: «Наша страна отказалась от идеологических займов, начала сама производить смыслы и перешла в информационное контрнаступление на Запад» [8, с. 1]. Таким образом, в данной своей статье В.Сурков, не называя прямо этот термин, тем не менее, вполне однозначно говорит о возрастании влияния «мягкой силы» России. Есть весомые аргументы предполагать, что ключевым показателем эффективности применения стратегии «мягкой силы» является популярность языка страны, использующей инструменты такого влияния, во «внешних пространствах», то есть, за рубежом. В этой связи целесообразно проанализировать положение русского языка в мире в динамических характеристиках за последние несколько десятков лет. Так, еще сорок лет назад русский язык был самым изучаемым в мире из всех незападных языков [9, с. 10]. Его учили в Китае, Северной Корее, на Кубе, в Африке и Латинской Америке. А в Восточной Европе русский язык вообще был вторым по популярности (в школах и университетах) после собственно национальных восточноевропейских. Рост популярности русского в то время вполне закономерен: в 70—80 гг. СССР был второй сверхдержавой мира, которая имела существенное геополитическое влияние на всех континентах Земного шара, выпускала пятую часть всей мировой промышленной продукции, однозначно лидировала в науке, космосе и образовании. Десятки стран по всему миру ориентировались на Советский Союз, строя свою жизнь по его образцу. Не случайно, люди на всех материках хотели знать русский, чтобы говорить на одном языке с народом, который во многих сферах обгонял «прогрессивную» западную цивилизацию.

В советский период русский язык методично расширял ареал своего влияния. Количество владеющих русским языком выросло с 200 млн. в 1940 г. до 350 млн. в конце 1980-х гг. Во многих странах Восточной Европы, в КНР и государствах «третьего мира» русский изучали как основной иностранный. После «Перестройки» пошёл обратный процесс. Узбекистан, Молдова, Туркмения и Азербайджан отказались от кириллицы в пользу латиницы. В Киргизии, Туркмени, Азербайджане, Украине, Грузии, Армении и странах Прибалтики русский язык в 1990—2000-е лишился официального статуса. Кроме РФ, русский является государственным языком только в Беларуси. По степени распространенности (общему числу владеющих им как родным, вторым или иностранным) русский язык, занимавший четвертое место в мире в 1990 году (после китайского, английского и испанского), переместился к 2010 году на шестое место. Его опережали английский (оценочно 1,5 млрд. человек, владевших им свободно), китайский (1,4 млрд. человек, включая говоривших на диалектах, отличных от нормативного путунхуа), хинди / урду (свыше 600 млн. человек, включая региональные диалекты), испанский (500 млн. человек), арабский (350 млн. человек) [9, с. 11].

После 2015 года русский по распространенности начали опережать («передвинув» на восьмое место) даже такие языки, как бенгали и португальский (что связано с очень высокими темпами прироста населения

Бразилии, португалоязычных стран Африки и населения Бангладеш и Индии, говорящего на бенгальском). Постепенно «догоняет» лидирующую группу мировых языков и французский (220 млн. человек, свободно владевших им в 2010 году). К 2030 году русский может вообще «выпасть» из первой десятки мировых языков [9, с. 11].

Теперь из западных языков самым популярным является китайский. Количество людей, которые сдают HSK (международный экзамен на знание китайского) по всему миру составляет приблизительно 400 00 человек ежегодно — это всего лишь в два раза меньше, чем количество желающих сдать TOEFL (международный экзамен на знание английского языка). Все понимают: на Востоке поднимается новая глобальная западная сила, и КНР по праву скоро займет место СССР. Выводы из этого напрашиваются не самые радужные: можно сколько угодно говорить об «информационном контрастности», но статус языка в мире — вещь объективная. И уменьшение его престижа, к сожалению, свидетельствует об утрате мирового влияния России, а, значит, и о снижении потенциала её «мягкой силы». По мнению А.М.Бобыло, «для России падение её притягательности в культурном отношении — один из самых животрепещущих политических вопросов» [10, с. 134].

При этом рост популярности китайского языка в мире обусловлен не только успехами экономики КНР. Как отмечает А.М.Бобыло, на международной арене Китай добивается своих целей мирным, бесконфликтным путем, активно используя именно ресурс «мягкой силы». Китайский образ мысли, любая практическая деятельность государства и его организаций, партийных функционеров всегда регулируются традиционным набором строго обязывающих ценностных правил. Внутри страны — трансформирующиеся ценностные традиции придают китайской цивилизации высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость. «Обновленные» социокультурные ценности, пропагандируемые китайскими властями в сложившихся условиях, спланируют ханьцев, проживающих в Китае и за рубежом, в глобальный китайский социум.

При этом именно культура является не только основой, но и важным фактором для оценки и распространения «мягкой силы». Так, внешние культурные обмены являются обязательной составной частью китайской дипломатии. Роль этого наступательного информационного инструмента продолжает усиливаться в процессе китайской глобальной регионализации. Внешние культурные обмены Китая представлены двумя направлениями: образовательными и культурными. Самым заметным успехом китайской стратегии «мягкой силы» стало распространение за рубежом институтов Конфуция, задачей которых является преподавание китайского языка и знакомство с культурой. Проект, запущенный Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань), начался в 2004 г., и сейчас создано свыше 850 институтов Конфуция по всему миру. Особое внимание уделено США, где появилось около 400 институтов Конфуция [10, с. 132]. Итак, «Китай разрабатывает свою «встречную» национальную концепцию ценностного взаимодействия с другими цивилизациями и культурами. В материально-инструментальной, экологической сфере китайским государством поощряется прямое заимствование любых достижений европейской науки и техники. Но духовная сфера и ее социокультурные ценности являются сакральной частью национальной культуры. Влияние чужой культуры при этом происходит через механизм отбора и подвергается переосмыслению в контексте национальных традиций и приоритетных государственных интересов [11, с. 8-15].

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно заключить, что «мягкая сила», будучи инструментом ненасильственного властвования, является одним из важнейших средств достижения стратегических целей в современной политике, и её значение существенно выросло в последнее время, когда в мире появилось множество конкурирующих между собой социально-политических проектов. За последние десятилетия различные государства по-разному пытались реализовать потенциал «мягкой силы» во внешней политике, что позволяет говорить о существовании нескольких различных стратегий ее использования. Наряду с традиционной (американской) принято выделять европейскую, советскую, японскую, российскую и китайскую стратегии использования «мягкой силы». Такое деление обусловлено национально-историческими особенностями внешнеполитических установок государств, различающихся содержанием имеющихся ресурсов и проводимых мероприятий [12, с. 32]. Ведь «мягкая сила» реализует свои цели, не задействуя насилие, она опирается исключительно на знаково-символические конструкции, интеллектуальные паттерны и привлекательные идеи. Важнейшей технологией использования «мягкой силы» является деятельность культурных и языковых центров, а степень популярности языка той или иной страны за рубежом выступает одним из основных индикатором успешности реализации этой страной своей «стратегии привлекательности». Снижение влияния русского языка за пределами России, к большому сожалению, может быть отмечено нами как явный признак утраты Российской Федерацией своего потенциала «мягкой силы».

1. Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 300 p.
2. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173-192.
3. Вилков А.А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий // Известия Саратовского ун-та. Нов.сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 66-74.
4. Lipset S.M. Political Man. London: Heinemann, 1969. P. 406-408.
5. Косачев К.И. Вступительное слово: «Мягкая сила» России: теория и реальность // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 7-9.

6. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / ИМИ МГИМО(У) МИД России, Центр глобальных проблем. М.: МГИМО-Университет, 2013 (Аналитические доклады; вып. 1(36), март 2013). 37 с.
7. Лазутина И.В., Нагорнов В.А., М.Р. Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 229-245.
8. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11 февраля 2019 г.
9. Арефьев А.Л. Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире. М., 2017. 320 с.
10. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. 2003. № 14. С. 129-135.
11. Абрамов В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестник Читинского гос. ун-та. 2010. № 3(60). С. 8-15.
12. Бобыло А.М. Национальные стратегии «мягкой силы» во внешней политике США, КНР и Российской Федерации: основные направления и особенности регионального развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 31-39.

References

1. Nye J.S. The Future of Power. New York, Public Affairs Publ., 2011. 300 p.
2. Rusakova O.F. Kontsept "myagkoy sily" v sovremennoy politicheskoy filosofii [Concept of "soft power" in modern political philosophy]. Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2010, iss. 10, pp. 173-192.
3. Vilkov A.A. "Myagkaya sila" kak ehlement imidzhevykh tekhnologiy ["Soft power" as an element of image technologies]. Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov.ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya, 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 66-74.
4. Lipset S.M. Political Man. London, Heinemann Publ., 1969, pp. 406-408.
5. Kosachev K.I. Vstupitel'noe slovo: "Myagkaya sila" Rossii: teoriya i real'nost' [Introduction: "Soft power" of Russia: theory and reality]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 7-9.
6. Parshin P.B. Problematika "myagkoy sily" vo vneshney politike Rossii [Problems of "soft power" in the foreign policy of Russia]. Moscow, 2013 (Analiticheskie doklady; vyp. 1(36), mart 2013). 37 p.
7. Lazutina I.V., Nagornov V.A., M.R. Rakhmangulov M.R., Sakharov A.G., Shelepov A.V. Sistematizatsiya luchshikh zarubezhnykh podkhodov k realizatsii politiki "myagkoy sily" [Systematization of the best foreign approaches to the implementation of the policy of "soft power"]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 229-245.
8. Surkov V. Dolgoe gosudarstvo Putina [Long State of Putin]. Nezavisimaya gazeta, 11 fevralya 2019 g.
9. Aref'ev A.L. Sovremennoe sostoyanie i tendentsii rasprostraneniya russkogo yazyka v mire [The Current state and Trends of the Russian Language in the World]. Moscow, 2017. 320 p.
10. Bobylo A.M. "Myagkaya sila" v mezhdunarodnoy politike: osobennosti natsional'nykh strategiy ["Soft power" in international politics: peculiarities of the national strategies]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, no. 14, pp. 129-135.
11. Abramov V.A. Imperativnyy potentsial "myagkoy sily" v strategiyakh vnutrennego i vneshnego razvitiya KNR [Imperative potential of "soft power" in the strategies of internal and external development of China]. Vestnik Chitinskogo gos. un-ta, 2010, no. 3(60), pp. 8-15.
12. Bobylo A.M. Natsional'nye strategii "myagkoy sily" vo vneshney politike SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii: osnovnye napravleniya i osobennosti regional'nogo razvitiya [National strategies of "soft power" in the foreign policy of the USA, China and the Russian Federation: the main directions and features of regional development]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 2015, no. 3, pp. 31-39.

Smirnov V.A. Sociocultural dimensions of "soft power" in the context of modern political practices. The article deals with the problem of "soft power", which is a tool of achieving certain strategic goals in politics without resorting to external violence. Modern politics, as we know, is an arena of competing symbolic discourses that seek to impose their own iconic "filters" on different audiences through the use of indirect, "soft" technologies. It can be suggested that the key indicator of the effectiveness of the "soft power" strategy is the popularity of the language of the country using the tools of such influence in the "external spaces", that is, abroad. The fact that the influence of the Russian language in the world is steadily declining indicates the loss of Russia's influence in the world, and, therefore, a decrease in the potential of its "soft power".

Keywords: soft power, cultural policy, language policy, ideological practices, Russia's influence in the world.

Сведения об авторе. Василий Андреевич Смирнов — кандидат философских наук, доцент кафедры теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; novtransa2010@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2019. Принята к публикации 30.05.2019.